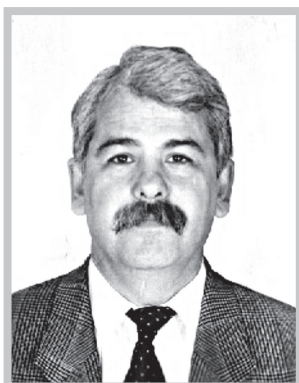

Формирование думской избирательной системы Российской империи: проблема представительства народов и регионов

Циунчук Р.А.

доктор исторических наук, профессор исторического факультета
Казанского государственного университета

В статье впервые комплексно и обстоятельно рассматривается важная историко-правовая проблема законодательного оформления принципов и норм представительства народов и регионов многонациональной Российской империи в первом в истории нашей страны выборном народном представительстве – Государственной Думе.

Имперская власть, конструируя Государственную Думу и Государственный Совет, моделируя избирательное законодательство, была весьма озабочена проблемой нежелательного весомого инородческого представительства в первом российском парламенте. Еще в конце 1904 года в докладе князя П.Д. Святополк-Мирского императору Николаю II (подготовленном С.Е. Крыжановским, одним из главных конструкторов думской политической системы, в то время помощником начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД), когда впервые предполагалось ввести в Государственный Совет некоторое число представителей населения, пояснялось, что выборными должны были быть только представители от имевших земство 34 губерний, «которые почти все составляют коренные русские области», а представителей окраинных многонациональных местностей империи планировалось назначать [1, С.472; 4, С.253]. Менее чем через год С.Е. Крыжановский в записке «К преобразованию Государственного Совета», направленной в Особое совещание под руководством графа Д.М. Сольского, особо выделял эту проблему: «В России господствующая национальность, на которой стоит государство, составляет всего лишь около 66% общего количества населения, а чуждые народности достигают 34%, то есть такого

процента, какого не знает ни одна Западно-Европейская держава, кроме Австрии, не имеющей вовсе господствующей нации. Национальная борьба и теперь проявляется у нас в высокой степени, а в будущем должна составить вопрос первенствующий, с которым едва ли уже будет связана территориальная целостность империи. Интересы величайшей государственной важности настоятельно требуют поэтому, чтобы голос русского народа, на котором одном держатся и сила государственной власти и самый престол Российских государей, безусловно господствовал в законосовещательных учреждениях... В Думе может слагаться по вопросам, касающимся инородческих интересов, сильное и неудобное для правительства большинство» [16, С.76]. При обсуждении реформ государственного устройства император Николай II требовал обеспечить обязательное «право каждого русского чувствовать себя дома на всем протяжении империи» и необходимость политически выделить «истоки русского национального ядра» [19, С.46].

Проще всего было сразу же поставить законодательные преграды для проникновения в Думу нежелательного инородческого элемента и создать льготную избирательную схему ее пополнения лояльными к власти национальными представителями. Имперская

думская конструкция должна была гарантировано обеспечить преимущественное представительство «коренных» русских губерний. Первоначально при обсуждении схемы выборов в «булыгинскую» Думу предполагалось лишить избирательных прав «кочевых и бродячих инородцев», евреев и жителей Финляндии (имевших свой автономный Сейм). По настоянию С.Ю. Витте и вопреки аргументам А.Г. Булыгина было решено предоставить право избирать и быть избранными в Думу евреям, при этом Совет Министров исходил из того, что в условиях цензового голосования «в Думу пройдут, может быть, несколько евреев, которые едва ли могут повлиять на мнения 400-500 ее членов» [2, С.149]. В смягченном варианте избирательного закона были также сняты ограничения для «кочевых инородцев», но вопрос о представительстве финляндских подданных остался открытым. Против избрания финляндских депутатов в Думу выступали и в самой Финляндии, предполагая, очевидно, что такое участие означало бы более тесную интеграцию Великого княжества Финляндского в общероссийское политико-правовое поле. В марте 1906 года финляндский генерал-губернатор А.Ф. Лангоф писал Д.М. Сольскому: «По моему глубокому убеждению, едва ли участие в Государственной Думе выборных от Великого княжества Финляндского может быть полезным для решения общих для империи и Великого княжества Финляндского вопросов» [15, С.96 об.]. При этом в качестве основных политических аргументов такого неучастия генерал-губернатор называл, во-первых, финляндскую законодательную самостоятельность, а во-вторых, слабую распространенность русского языка в Финляндии. Специально обсуждался также вопрос об обязательности для избираемого в депутаты владеть русским языком и грамотой. В утвержденном царем 6 августа 1905 года Положении о выборах в Государственную Думу в пункте «д» статьи 6 было прописано, что от участия в выборах полностью устранились так называемые «бродячие инородцы», а статья 55 вводила языковой ценз, указывая, что в члены Думы могут избираться только кандидаты, знающие русский язык [5, С.140, 153]. Позднее уже при производстве выборов в губерниях Царства

Польского возникли затруднения, когда оказалось, что в процессе голосования массово подавались записки на польском языке или бланки с подстрочным переводом на польский. Вставал вопрос о признании действительности таких выборов. Поэтому в Особом совещании графа Д.М. Сольского 16 апреля 1906 года (за 11 дней до открытия Думы) обсуждался также вопрос о возможности использования польского языка при голосовании (в губернских избирательных собраниях кандидаты баллотировались записками), одиннадцать членов комиссии соглашались с возможностью подавать записки и на русском и на польском языке, пятеро допускали записки на польском как исключительные; в итоге был подготовлен и подписан Указ, разрешавший избирательные записки и бланки, написанные по-польски [11, С.390-391; 5, С.566].

При разработке правил о выборах власть целенаправленно стремилась создать привилегии для избирателей губерний и городов Центральной России (надеясь на их лояльность) и ограничить представительство национальных регионов. В приложении ко 2 статье Положения о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 года устанавливалось общее число депутатов (412) от 51 губернии и области Европейской части Российской империи, а примечанием к статье 1 оговаривалось, что «выборы в Думу от губерний Царства Польского, областей Уральской и Тургайской и губерний и областей Сибирских, генерал-губернаторств Степного и Туркестанского и Наместничества Кавказского, а также от кочевых инородцев производятся на основании особых правил» [9, С.1]. Особое значение для полного представительства народов и регионов империи имел подробно обсуждавшийся в Особом совещании вопрос об избирательных правах такого крупного многонационального региона империи, как Средняя Азия с населением более 5 миллионов человек. Вариант полного лишения населения Средней Азии представительства по причине его неготовности к законодательной работе был признан «в политическом отношении небезопасным», совместные выборы, по мнению большинства членов Совещания, привели бы «фактически к полному устранению русского элемента в

крае от избрания в Государственную Думу», поскольку ни один «инородец», избранный от Туркестана, не будет содействовать проведению там «русской государственной (колониальной) политики»; решено было «для охраны русских интересов в Средней Азии и тесного единения края с империей» предоставить из общего числа 13 мест: 6 городскому оседлому русскому населению (5% населения), 1 место семиреченским казакам (0,6% населения) и 6 – инородцам, составлявшим 94,4% населения этих областей [18, С.81-82]. Проекты Правил применения закона о выборах к окраинам империи обычно составлялись С.Е. Крыжановским при участии В.С. Налбандова, в то время чиновника Главного управления по делам местного хозяйства МВД, а затем обсуждались в Особом совещании [7, С.49]. В действительности, региональные Правила о выборах в Польше, в Сибири и на Дальнем Востоке, на Кавказе, в Казахстане и в Средней Азии принимаются как бы «вдогонку» с заметным опозданием девятью отдельными Указами, четыре последних (о выборах по Амурской, Приморской и Забайкальской областям; по Якутской области; от православного населения Люблинской и Седлецкой губерний; по Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской областям) утверждаются 22 апреля 1906 года всего за пять дней до открытия первого заседания Думы. В период обсуждения Совещанием региональных правил Министерство пыталось еще более усилить «имперскость» избирательного закона, урезать права национальных регионов, создать привилегии для русских выборщиков на окраинах. П.Н. Дурново писал 25 марта Д.М. Сольскому: «Заявления проживающих на окраинах русских людей, которые поступают за последнее время в столь значительных количествах, свидетельствуют с несомненностью о существенном пробеле всей нашей системы выборов в Государственную Думу. Пробел этот заключается в том, что система выборов не обеспечивает в той мере, в какой бы следовало, подобающего места в Думе представительству великорусского племени, трудами которого создана империя» [17, С.1-1 об.]. Параллельно правительство дорабатывает избирательный закон

(11 декабря 1905 г.), пересматривает учреждения Думы и Государственного Совета (20 февраля и 24 апреля 1906 г.) и редактирует Основные государственные законы (23 апреля 1906 г.), что свидетельствует не только о хроническом запаздывании законотворческого процесса, но и о вынужденных маневрах правительства с целью формирования наиболее лояльного состава первой Государственной Думы.

Важнейшим вопросом политической географии думских выборов стал вопрос об избирательных округах, об их территории и плотности заселения, об этно-конфессиональном и социальном составе населения этих округов. При конструировании «булыгинской» Думы и думского избирательного закона была намечена средняя норма представительства - 1 депутат должен был представлять 250 тысяч человек, которую, посоветовавшись, решили применять только к губерниям Европейской России, повысив норму для окраинных губерний до 350 тысяч. Предполагалось распределение числа депутатов между центральными губерниями, управляемыми по общему учреждению, и окраинными территориями пропорционально уплачиваемым налогам, а внутри этих групп – в пропорции к числу населения. При выборах в первую Думу эта общая раскладка сохранилась и даже усилилась после выхода местных Правил о применении Положения о выборах. Завышение представительства от русских по составу губерний центральной России разъяснялось «государственным значением коренных русских губерний в общем строе империи» [8, С.127]. Объяснительная записка Министерства внутренних дел аргументировала также завышение представительства крупных по территории, но сравнительно малонаселенных русских северных губерний (Архангельская, Вологодская, Олонецкая) указанием на то, что в ином случае «разносторонние местные интересы ... не найдут себе достаточного выражения» [8, С.126]. На Кавказе были созданы крупные многонациональные избирательные округа, включавшие в себя по несколько административных единиц (Батумская область и Сухумский округ, Дагестанская область и Закатальский округ, Кубанская область и Черноморская губерния),

в которых, конечно же, невозможно было адекватно отразить разносторонние местные интересы. «Подобное образование особых избирательных округов, пределы которых не совпадали бы с границами отдельных административных территорий, – отмечалось при обсуждении, – могли бы в значительной степени изменить как распределение выборщиков, так и взаимное соотношение различных групп избирателей, среди которых преобладающее значение должны получить лица, принадлежащие к более состоятельным классам населения и потому заинтересованные в сохранении порядка» [12, С.86]. Безусловное предпочтение в кавказских округах было отдано казацкому населению: в Терской области (где инородцев и иногородних крестьян было в четыре раза больше чем казаков) они избирали столько же выборщиков (15), сколько уполномоченные от сельских сходов, и за ними было закреплено одно из трех депутатских мест [5, С.340-341]. В округе, объединившем Кубанскую область и Черноморскую губернию, казаки составили около 40% населения, и им было представлено 45 мест выборщиков (тогда как от съезда уполномоченных от сельских сходов инородцев и крестьян-неказаков определено 14 мест), а фиксированная квота казачьих мест в Думу составила 3 (из 6 от всего округа) [5, С.339-340].

Таким образом, по нашим подсчетам, проведенным на основе Положения о выборах в Государственную Думу и региональных правил о применении Положения о выборах, а также сведений Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, среднее по всей империи количество населения на одного депутата I – II Дум составляло 239,8 тысяч человек, в то время когда по губерниям России – 227,8 тыс., по Польше – 254,1 тыс., по Сибири и Дальнему Востоку – 274,2 тыс., по Кавказу – 290,2 тыс., а по Казахстану и Средней Азии – 336,8 тысяч человек, крайние показатели отличались друг от друга почти в шесть с половиной раз (Олонекская губерния – 121,3 тыс. и Ферганская область – 786,1 тыс. чел.).

Еще более заметными оказывались различия в нормах представительства по городам империи. Сначала для отдельного представительства выделили города-стотысячники, которых было 19. Из них 13 (Баку, Варшава,

Вильна, Екатеринослав, Казань, Киев, Кишинев, Лодзь, Одесса, Рига, Ташкент, Тифлис, Харьков) оказались городами со значительным нерусским, нередко неправославным населением. Поэтому составители избирательного закона решили расширить это число до 26 и «включить в этот список некоторые чисто русские города, близко подходящие по численности к помещенным в списке» [8, С.30]. Так отдельное представительство получили Воронеж (80,6 тыс. чел.), Курск (75,7 тыс.), Нижний Новгород (90 тыс.), Орел (69,7 тыс.), Самара (90 тыс.), Ярославль (71,6 тыс.), а также единственный из сибирских городов Иркутск (центр генерал-губернаторства с населением в 51 тысячу жителей), оказалось, что крайние показатели по городскому представительству отличались друг от друга почти в 8 раз (Одесса – 403, 8 тыс. и Иркутск – 51 тыс.).

В связи с обсуждением и опубликованием в Положении о выборах норм представительства от губерний и областей лично императору и в правительство поступают письма, телеграммы и записки с предложениями об изменении норм представительства, отразившие национально-региональные проблемы и этно-конфессиональные интересы населения империи. Впервые появилась возможность легальной презентации политических интересов народов, выразителями которых становятся общественно-политические организации и представители новых национальных политических элит. Ряд обращений представляли собой приговоры сельских общин и их уездных или даже губернских (и областных) съездов, принимавшиеся в связи с началом выборной кампании. Их можно рассматривать в контексте развернувшегося в 1905-06 гг. «казачьего» движения. Главная цель такого рода обращений – усиление национального (а следовательно, конфессионального и регионального) представительства в Думе. Несколько петиций пришли из губерний Европейской России. 19 февраля 1906 года было отправлено письмо «доверенного от Башкирского народа Оренбургской губернии, Орского уезда, 4-й Усертанской волости, деревни Хайбуллиной Фифтахитдина Биккулова», предлагавшего разделить избирателей по национальному признаку для «предоставления башкирскому

народу права избирать в Государственную Думу своих представителей особо от русского крестьянского населения в Башкирии, пропорционально числу душ» [11, С.243 об]. Зыряне (коми) Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии вносили предложение от имени 120 000 зырян избирать прямо одного зырянина в уездном собрании [11, С.270-271]. Особой национальной общностью со своими специфическими интересами воспринимали себя поволжские немцы, которые в письме за 364 подписями предлагали создать особую избирательную немецкую единицу в Саратовской губернии (Камышинский, Саратовский и Аткарский уезды) [11, 272-277]. Звучали даже предложения о переустройстве самой избирательной системы по национальному признаку. С таким предложением - разделить каждую курию избирателей по национальностям, «предоставляя каждой народности пропорционального ей числа выборщиков» - выступил Минский комитет Союза 17 октября [11, С.282-282 об.]. Нужно отметить, что подобная избирательная новация шла дальше Программы Союза 17 октября, утвержденной Всероссийским съездом 8 февраля 1906 года.

Ряд заявлений поступили от населения «национальных окраин» (по которым действовали особые Правила о выборах), причем активность здесь проявляли не только представители «окраинных инородцев», но и группы русского (православного) населения, озабоченные получением отдельных депутатских мест в Думе. Представитель инородческого населения Якутской области Василий Никифоров в телеграмме С.Ю. Витте сообщал об обсуждении вопроса о введении земства и о порядке выборов в Думу и просил ввиду «разбросанности населения на громадной территории» дать указание местной администрации о «необходимости приступить немедленно к выборам» [13, С.111]. «Киргиз-кайсацкое» население Уральской и Тургайской областей выступило за расширение своего представительства (избирать членов Думы прямым голосованием по областям, не применять к киргизам имущественного ценза, дать возможность султанам выбирать своего депутата от каждой области, а для образованной элиты выставлять свои кандидатуры вне прописки) [14, С.18-19].

Уполномоченные киргизского (казахского) населения Семипалатинской области отправили телеграмму, указывая, что в этой области избирается 1 депутат от 135 (135000 – Р.Ц.) казаков и 1 депутат от 800 000 киргизов, поэтому «киргизы, глубоко привыкшие верить в справедливость белого царя», просят изменить норму представительства до 200 тысяч на одного депутата [11, С.250-251]. По Правилам о выборах от Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей из общего числа в 10 депутатов Думы 4 могли выбирать «инородцы» (только кочевая часть которых составляла 70% всего населения указанных областей), тогда как остальных 6 депутатов выбирали: двух – казаки (1 – уральские и 1 – от объединенного казацкого округа в составе Акмолинской и Семипалатинской областей и Томской губернии) и четырех – городское и сельское русское население [18, С.82]. Холмский православный архиепископ Евлогий обратился за поддержкой к Обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву, добиваясь, чтобы «русскому населению Холмщины и Подляшья выбрать, отдельно от поляков и евреев Царства Польского, своего русского депутата в Государственную Думу» [10, С.53 об.]. В марте 1906 года, в то время, когда в центральной России уже шли выборы, приходы русских Тифлиских церквей и местное «патриотическое общество» (по заявлению авторов – более 20 тысяч человек) и столько же православных айсоров в своем письме «просят даровать русскому населению Закавказья право избирать, совместно с айсорами из своей среды, в отдельных от других национальностей, собраниях двух членов в Государственную Думу» [11, С.265]. Подробную записку с аргументацией об увеличении представительства от польских губерний передал через товарища министра внутренних дел Д. Трепова один из лидеров польского Союза реальной политики граф Велепольский. Сравнивая нормы представительства от русских губерний (250 тыс. чел. на одного депутата) с нормами от окраинных губерний (350 тыс.чел.) Велепольский полагал, что необходимо пересмотреть численность представительства для Польши, а аргументом приводил расчеты средней суммы уплаты налогов на одного жителя, поскольку

«губернии Царства Польского несут государственные повинности наравне с самыми отягощенными в этом отношении областями империи», но «смешиваются для общих выводов в одно целое с несущими гораздо меньшие тяготы Кавказом, Закавказьем и Средне-Азиатскими владениями» [11, С.47-47 об.]. Эти предложения были подкреплены просьбами от представителей варшавского городского самоуправления и предпринимательства об увеличении депутатской квоты от Варшавы [11, С.166-169]. Встречные претензии содержала переданная в Особое совещание «Челобитная царю от депутации окраинных губерний» – «Русских людей Привислинского, Северо-Западного и Прибалтийского края», (игнорировавшее даже название Царство Польское – Р.Ц.), за подписями Василия Курчинского, Александра Касьмина, Ивана Высоцкого, Федора Фидлера и Густава Шмида, где высказывалось опасение, что «русское население, живущее среди других иноплеменных групп, может оказаться совершенно без представителей в Думе» [11, С.262]. Как бы полемизируя со сторонниками расширения представительства польских губерний письмо формулировало «...ужасающий факт, что в экономическом отношении польский край давно уже живет за счет все более и более оскудевающего русского центра», отталкиваясь от этого утверждения, составители записки заявляли об угрозе получения поляками 25% мест в Думе [11, С.262 об.]. Составители письма приводили свои подсчеты национального состава и утверждали, что «в Минской губернии, где население 80% русских, 15% евреев, 3% поляков, 2% прочих из всего числа, в 9 членов в Государственную Думу могут попасть 8 поляков и разве лишь 1 русский, а именно из крестьян», в Прибалтике «благодаря ценовым преимуществам немцев, составляющих лишь 7% населения, и численному преобладанию эстов (35%) и латышей (около 50%) русские, составляющие 5 ½ % населения края, также могут не иметь ни одного своего представителя в Думе», и из «12 миллионов русского населения всего Северо-Западного края в Государственной Думе может не оказаться ни одного представителя», «точно также и в Царстве Польском около 450 000

русских людей (не считая даже русского населения Холмской Руси) не могут рассчитывать на избрание хотя бы одного члена в Государственную Думу» [11, С.262-262 об.]. Авторы записки настаивали на том, что интересы русских ущемлены по сравнению с другими народами, и, приводя список «привилегированных» по их мнению этносов, заявляли: «Является естественным желанием для русских людей пользоваться у себя дома, в своей родной стране, отнюдь не большими, только лишь не меньшими правами, в сравнении, например, с калмыками, бурятами, казанскими татарами и прочими своими иноплеменными согражданами» [11, С.263 об.]. Записка завершилась требованием издать «в целях восстановления русских граждан» царский указ, где были бы реализованы следующие предложения: 1) В Привислинских губерниях сверх общего числа определенных для Царства Польского и Холмской Руси избрать еще двух членов Государственной Думы; 2) В губерниях Северо-Запада – дополнительно по одному русскому члену Думы от каждой губернии; 3) В Прибалтийском крае – также; 4) В Прибалтийском крае предоставить русским представителям право участвовать с решающим голосом в совещании при Временном Прибалтийском генерал-губернаторе; 5) Предоставить русскому населению Польши, Северо-Западного и Прибалтийского края право иметь необходимое число русских представителей и в Государственном Совете [11, С.263]. Ясно, что реализация подобной схемы выборов увеличивала бы нормативную численность депутатов более чем на десять человек и означала бы принципиальное изменение самой модели Думы и Госсовета. «Челобитная» была единственным ходатайством, получившим визу императора: «Можно рассмотреть в Совещании под председательством графа Сольского» [11, С.257-260]. После обсуждения в Мемории Совещания 10 марта 1906 г. отмечалось, что «без сомнения, весьма желательно было бы устранить такое обидное для русского самосознания и с политической точки зрения невыгодное положение вещей», но 1) уже поздно; 2) нет уверенности, что пройдут люди, «поддерживающие русскую идею» [11, С.258]. 28 марта 1906 г. в Совещание

поступило представление министра внутренних дел П.Н. Дурново, который называл «вопрос о представительстве в Думе интересов русского населения окраин империи чрезвычайно важным» и считал не подлежащим сомнению, «что ни одно место члена Государственной Думы от Варшавы не будет занято лицом русского происхождения», а потому предлагал добавить еще одно место от Варшавы, упоминая, что, тогда как и просили представители варшавских организаций, на 779 000 населения будет как раз 3 депутата из расчета 250 000 на одного члена Думы, а вопрос о том, кого считать «лицом русского происхождения» оставить на усмотрение Варшавского генерал-губернатора [11, С.316-316 об.]. В проекте Мемории Совещания 28 марта 1906г. предложения зырян, киргизов, немцев, башкир, русских и айсоров Тифлиса рекомендовалось отклонить. 8 апреля 1906 года, когда итоги выборов в губерниях Европейской России были уже известны, министр внутренних дел П.Н. Дурново направил в Особое совещание дополнительное представление об избрании отдельного депутата в Думу от русского (православного) населения Люблинской и Седлецкой губернии (Холмская Русь), которое обсуждалось также 16 апреля и было утверждено императорским Указом 22 апреля 1906 г. [11, С.371, 419-420, 437; 5, С.563-565]. Так уже в перводумской избирательной кампании 1906 года появилось особое православное Холмское избирательное собрание.

Общее руководство выборами взяло на себя Министерство внутренних дел, а ключевую роль в организации выборов на окраинах решено было отвести местным властям. Так Кавказскому наместнику было предоставлено, во-первых, право «определять время приступа к распоряжениям о производстве выборов в Государственную Думу в отдельных частях вверенного ему края, когда местные условия не будут тому препятствовать», во-вторых, «в Елисаветпольской и Эриванской губерниях при производстве первых выборов в Государственную Думу, в случае надобности, соединять селения и колонии в избирательные участки, хотя бы в иных случаях и чересполосно, а также разделять губернские избирательные собрания на отделения и определять число

подлежащих избранию от каждого из них членов Думы из назначенного на губернию общего их числа» [5, С.329]. При выборах от православных Люблинской и Седлецкой губерний Варшавский генерал-губернатор имел право «соединять... уезды с небольшим числом православных приходов и образовывать из них соединенный избирательный съезд», а также распределять общее число выборщиков «между съездами уполномоченных в соответствии с общим количеством прихожан каждого уезда» [5, С.564-565].

Закон о выборах 3 июня 1907 г., принятый, как известно, в обход Думы, сократил число членов Думы на 82 депутата с 524 до 442 человек и ставил одной из своих целей резкое ограничение представительства национальных регионов. В Манифесте о роспуске Государственной Думы и об изменении порядка выборов от 3 июня 1907 г. указывалось: «Созданная для укрепления государства русского Государственная Дума должна быть русской и по духу. Иные народности, входившие в состав державы нашей, должны иметь в Государственной Думе представителей нужд своих, но не должны будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских. В тех же окраинах государства, где население не достигло достаточного развития гражданственности, выборы в Государственную Думу должны быть временно приостановлены» [6, С.273]. В итоге представительство польских губерний в III-IV Думах сократилось на 23 мандата (с 37 до 14), Кавказ потерял 19 из 29 депутатских мест (осталось 10), представительство Сибири и Дальнего Востока сократилось на 5 мест (с 21 до 14), а из 23 депутатов от Средней Азии и Казахстана самодержавные законодатели оставили только 1 место для уральских казаков. Было также сокращено представительство от Вятской, Киевской, Пермской и Уфимской губерний, возможно, как в связи с тем, что они дважды избирали оппозиционных депутатов [3, С.14], так и в связи с многонациональным составом этих губерний.

Одновременно обсуждались и готовились изменения избирательного закона, который отсек бы от выборов наиболее оппозиционный к власти электорат, в том числе на

национальных окраинах. И так, разочаровавшись в попытках получить лояльную Думу, правительство вновь применяет политику «двойного стандарта» в отношении избирательной системы. Наряду с полным лишением представительства населения Средней Азии, Казахстана, Якутии и уменьшением по закону 3 июня 1907 г. более чем в три раза числа избираемых депутатов в Польше и на Кавказе и на одну треть – в Сибири [20, С.407-411].

На выборах в III и IV Думу в многонациональных губерниях европейской России с санкции Министерства внутренних дел делению по национальному или вероисповедальному признаку подверглись съезды избирателей. Для гарантированного представительства русского населения окраин были введены специальные квотируемые места от Закавказья, от Варшавы и от Виленской и Ковенской губерний. Асимметрия избирательной системы еще более усилилась.

Третьеиюньская избирательная система оставалась неизменной вплоть до 1917 года вопреки попыткам думских национальных и оппозиционных фракций восстановить представительство окраин; фактически она демонстрировала «отрицательную» динамику процесса избирательного нормотворчества, политически затрудняла адекватную презентацию интересов нерусского населения, заметно препятствовала формированию у власти реальной картины сложных межнациональных отношений.

Тем не менее, с появлением Государственной Думы, с развитием думской политической практики социально-политическая жизнь страны необратимо обрела новые, достаточно четко выраженные этноконфессиональное и региональное измерения.

Однако нежелание аристократической элиты и самого монарха поделиться бременем «шапки Мономаха» с многонациональным обществом, самоуверенная претензия власти на владение монопольной истиной привели первый «конституционный эксперимент» в России к неудаче, а саму политическую систему, отвергавшую идеи национально-конфессионального равноправия, автономии регионов и самоопределения народов, к ее краху в огне жесточенных революций и классовых битв.

Литература:

1. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1996.
2. Ганелин, Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. – СПб.: «Наука», 1991.
3. Демин, В.А. Государственная дума России (1906-1917): механизм функционирования. – М.: «Росспэн», 1996.
4. Дневник Е.А. Святополк-Мирской за 1904-1905 гг. //Исторические записки. – М.: «Наука», 1965. Т.77.
5. Законодательные акты переходного времени (1904-1906 гг.). Изд. 2-е, – СПб.: «Право», 1907.
6. Калинычев, Ф.И. Государственная дума в России. Сборник документов и материалов. – М.: Юридическая литература, 1957.
7. Крыжановский, С.Е. Воспоминания. – Берлин: «Петрополис», (б.г.).
8. Материалы по учреждению Государственной думы. – (Б.м.), 1905.
9. Положение о выборах в Государственную думу // Государственная дума. Узаконения 6 августа 1905 г. – (Б.м.): «Государственная типография», 1905.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1544. Оп.1. Д.8.
11. РГИА. Ф.1544. Оп.1. Д.10.
12. РГИА. Ф.1544. Оп.1. Д.11.
13. РГИА. Ф.1544. Оп.1. Д.12.
14. РГИА. Ф.1544. Оп.1. Д.14.
15. РГИА. Ф.1544. Оп.1. Д.15.
16. РГИА. Ф.1544. Оп.1. Оп.1. Д.16.
17. Российская национальная библиотека (РНБ). Отдел рукописей (ОР). Ф.781. Д.232.
18. Сидельников, С.М. Образование и деятельность первой Государственной думы. – М.: «Издательство Московского университета». 1962.
19. Смирнов, А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906-1917 гг.: Историко-правовой очерк. – М.: «Книга и бизнес», 1998.
20. Циунчук, Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. – Казань: «Фэн», 2004.